

Императорский лекарь Ван чувствовал, что атмосфера вокруг него невероятно давящая, но, к счастью, император заметил его и велел подойти, чтобы проверить пульс. Осторожно коснувшись тонкого запястья, Императорский лекарь Ван тщательно провел диагностику и спустя мгновение тяжело вздохнул, покачав головой.

Ци Цзиншэн почувствовал себя так, будто среди ясного неба грянул гром. Его фигура качнулась, а спина, казалось, слегка ссутулилась. Голос звучал хрипло, словно его полоснули острым лезвием:

— Неужели... ничего нельзя сделать?

Императорский лекарь Ван снова покачал головой и ответил:

— Хуангуйфэй отравлен уже некоторое время. Этот яд обычно совершенно незаметен, а действует медленно, так что большинство людей, столкнувшись с ним, умирают, даже не понимая за что. Однако есть одно вещество, которое противодействует ему: если принять их вместе, яд проявится раньше времени. И это вещество — цветы османтуса.

— Османтус... — пробормотал Ци Цзиншэн, вспомнив, что буквально только что Мо-эр в прекрасном настроении ел пирожные с османтусом и даже был с ним непривычно мил, а теперь... Внезапно он встревоженно спросил: — Какое противоядие?

Императорский лекарь Ван снова вздохнул и произнес:

— Этот яд не так уж трудно нейтрализовать, вся беда в том, что Хуангуйфэй отравлен уже давно. Токсин глубоко проник в тело, и полностью вывести его невозможно, а Хуангуйфэй к тому же всегда отличался слабым здоровьем. Учитывая всё это, боюсь, что...

— Боишься чего? — услышав, что яд не так сложно победить, Ци Цзиншэн немного расслабился, но от последующих слов его сердце снова подпрыгнуло. Затем он услышал, как Императорский лекарь Ван сказал: — При таком раскладе он, боюсь, не переживет эту зиму.

— Что... ты сказал?! — Ци Цзиншэн не мог в это поверить, его сердце пронзила острая, сплошная боль. — Как такое возможно? Мо-эр так молод, как он мог...

— Старый слуга сначала выпишет лекарство, чтобы нейтрализовать яд, и Хуангуйфэй должен скоро прийти в себя. Что же касается того, что будет потом... эх, старый слуга может лишь сделать всё от него зависящее. — Выписав рецепт, Императорский лекарь Ван удалился, оставляя их двоих наедине с утекающим сквозь пальцы временем.

Попоив Линь Му противоядием, Ци Цзиншэн тихо сел рядом и стал смотреть на него, всё еще не в силах поверить, что однажды его Мо-эр может навсегда покинуть его. Он так хотел состариться вместе с Мо-эром, прожить с ним всю жизнь — как же Мо-эр мог уйти первым? Стоило лишь представить, что они с Мо-эром окажутся по разные стороны жизни и смерти, как в его сердце поднялась дикая, жестокая ярость, желание уничтожить весь мир. Раз уж его Мо-эр, его сокровище испытывает такие муки, с какой стати остальным жить припеваючи? В его

глазах вспыхнул багровый свет. Тех, кто отравил Мо-эра, тех, кто причинял ему боль прежде, он заставит прочувствовать, каково это — желать смерти и не мочь умереть.

— Мм... — Едва уловимый звук долетел до слуха Ци Цзиншэня. Он тут же оглянулся, и вся мрачная буря в его глазах мгновенно улеглась, сменившись лишь болью за любимого и тревогой.

Линь Му медленно открыл глаза и, еще не до конца оправившись от оцепенения, встретился взглядом с полными невыносимой боли глазами мужчины. Чуть замернув на секунду, он сообразил, что ранее отравился и потерял сознание. И хотя это было частью плана, ощущения от всеобщей слабости в теле выдались поистине паршивыми.

— Что со мной? — голос Линь Му звучал слабо и безжизненно.

Ци Цзиншэн поправил прядь его волос, и его тон стал невероятно мягким:

— Всё в порядке, просто подхватил небольшую заразу. Яд уже вывели, через несколько дней полегчает.

Было непонятно, говорил ли он это для Линь Му или успокаивал себя самого, но его слова заставляли невольно верить. Линь Му, конечно же, знал правду и понимал, что этому телу, судя по всему, осталось недолго. Видя скрываемую в глазах мужчины боль, он не стал разоблачать его ложь и лишь молча кивнул.

Поскольку яд подействовал совсем недавно, у Линь Му не было сил на долгие разговоры, и после пары фраз он снова погрузился в тяжелый сон. Ци Цзиншэн передел его, аккуратно укрыв одеялом, а заметив входящего в дверь слугу, взмахом руки велел тому ждать в приемной. Легко поцеловав Линь Му в лоб, он тоже вышел.

— Выяснили, кто это сделал? — голос Ци Цзиншэня был ледяным, а выражение лица — свирепым, от прежней нежности не осталось и следа.

Стоявший на коленях стражник вздрогнул и ответил:

— Докладываю Вашему Величеству, выяснили. Это Цайжэнь Цзи.

Хлоп! Подлокотник кресла с хрустом треснул под пальцами.

— Прекрасно! Эта женщина посмела снова и снова вредить Мо-эру. Линь Ань!

Линь Ань торопливо шагнул вперед:

— Раб здесь.

— Передай мою волю: Цайжэнь Цзи за покушение на жизнь Хуангуйфэй сослать в Холодный дворец. Отправь людей как следует «позаботиться» о ней, чтобы она не умерла слишком легко. А род Цзи за то, что плохо воспитал дочь, приговорить к всеобщей ссылке: мужчин из века в век делать рабами, а женщин из поколения в поколение превращать в куртизанок.

Такой указ потряс даже Линь Аня. Подобное обвинение уступало разве что казни всего рода. Император желал, чтобы клан Цзи вечно терпел унижения и никогда не смог поднять голову.

— Кроме того, отныне всем наложницам гарема каждый день питаться постной пищей, молиться Будде и переписывать священные тексты, вымаливая благословение для Хуангуйфэй.

Изначально он хотел расправиться со всеми ими, но ради накопления благих заслуг для Мо-эра был вынужден пока пощадить их.

— Слушаюсь. Раб немедленно всё исполнит. — Линь Ань откланялся.

В комнате разом стало тихо. Ци Цзиншэн изнуренно потер лоб, в его глазах залегла неизбывная скорбь. Мо-эр, я непременно сделаю так, чтобы с тобой всё было хорошо, обязательно.

В последующие дни тело Линь Му, казалось, и впрямь шло на поправку, как и говорил Ци Цзиншэн. Вот только Линь Му замечал, что тоска в глазах мужчины становится всё глубже: хотя при нем он прекрасно всё скрывал, но обращался с ним с каждым днем всё бережнее и осторожнее.

Линь Му очень хотел сказать ему, что он и сам всё знает и больше не нужно так переживать, но всякий раз, видя, как тот старательно делает вид, что всё в порядке, слова застревали на языке и проглатывались обратно. Сердце сжималось от чувства вины и становилось всё тяжелее, и чтобы хоть как-то держаться, ему оставалось лишь повторять про себя, что, возможно, его любимый всё еще ждет его за пределами дворца.

Дни незаметно ускользали, деревья обнажали ветви, трава и цветы увядали, и наконец наступила зима. С приходом холодов Линь Му начал постепенно погружаться в сонливость. Сначала всё было относительно неплохо, но вскоре он стал спать круглые сутки, просыпаясь лишь на мгновения. Ци Цзиншэн неотлучно находился рядом с ним, со временем даже забросив государственные дела — он сторожил любимого, панически боясь, что в одно неосторожное мгновение этот хрупкий человек исчезнет навсегда.

За несколько дней до Праздника весны Линь Му проснулся после трехдневного сна, и теперь чувствовал, что его тело подходит к своему пределу. Судя по всему, счет шел на дни, тянуть больше нельзя. Прежде Линь Му много раз порывался уйти, но каждый раз, видя, как Ци Цзиншэн, чьи глаза были полны боли и отчаяния, продолжал натягивать на лицо улыбку ради него, он испытывал жалость и думал подождать еще немного. Однако теперь выхода не осталось. Мысленно он произнес спокойно:

— Сяо Бай, используй лекарство.

— Мо-эр, проснулся? Не голоден? — донесся до слуха балующий голос мужчины, в котором, впрочем, неизбежно слышались нотки печали. Видимо, он тоже всё понял.

Линь Му слабо покачал головой и вымолвил:

— Цзышэн, сколько ты еще собирался скрывать это от меня? Моему телу, боюсь, приходит конец.

Голос Ци Цзиншэна дрогнул от паники, но он изо всех сил попытался сохранить самообладание и улыбнулся:

— Что ты говоришь, не дури, тебе скоро станет лучше. Ты просто стал больше спать из-за холодов.

— Я знаю. После того как я засну в этот раз... боюсь, проснуться уже не удастся.

Линь Му чувствовал, что ему всё труднее дается каждое движение, а веки наливаются тяжестью.

— Не говори ерунды, как это не проснешься? Раньше ты ведь тоже спал так долго, но потом просыпался же? Нет, всё будет хорошо.

Мужчина уже не мог убедить даже самого себя, его глаза постепенно наливались кровью.

Чувствуя, как веки становятся всё тяжелее, Линь Му попытался широко раскрыть их:

— Послушай меня, я не стою твоей тоски. Когда я умру... забудь меня. Ты непременно... сможешь найти... того, кто полюбит тебя.

Ци Цзиншэн окончательно запаниковал:

— Нет, не надо. Всё будет хорошо, всё будет хорошо. Как я могу тебя забыть? С тобой всё будет в порядке, не говори глупостей, всё обойдется.

— Правда... я не стою... — Линь Му с усилием вдохнул. Предсмертные муки и впрямь оказались тяжелым испытанием: воздух перестал поступать, перед глазами всё застилала темнота, но он собрал последние крохи воли: — Прости... меня... я не прошу... тебя простить... лишь надеюсь... после моей смерти... не хорони меня... в земле... я... боюсь темноты...

— Хорошо, хорошо, я на всё согласен, на всё согласен! — мужчина крепко прижал его к себе, и на лицо Линь Му упала горячая капля. Стало невероятно горько, хотелось стереть его слезы, и он из последних сил приподнял руку:

— Про... сти... — кончики пальцев едва коснулись щеки и бессильно упали обратно.

Ци Цзиншэн смотрел, как зрачки человека в его объятиях постепенно теряют фокус, веки закрываются, голова клонится набок, а рука безвольно падает на постель. Ощущая, как угасает последняя искра жизни, он чувствовал, будто в груди образовалась зияющая дыра, которую уже ничто не способно заполнить. словно в трансе просидев так долгие часы, он вдруг очнулся.

Опустив взгляд на человека в своих руках, который, казалось, просто снова заснул, Ци Цзиншэн нежно уложил его на постель и аккуратно поправил одеяло. Его большая ладонь гладила белоснежную щеку, а в голосе звучала бесконечная нежность:

— Мо-эр, мое сокровище, солнце еще не зашло, почему ты заснул так рано? Давай поспим вместе, раз уж легли так рано, завтра утром смотри не залеживайся в постели.

Затем он прислушался так, будто ловил звуки, легко провел пальцем по изящному носу и с легкой досадой произнес:

— Ах ты маленький соня. Перестань капризничать, капризы не помогут. Разве ты не хотел выбраться наружу? Завтра я возьму тебя погулять, хорошо?

Стоявший рядом Линь Ань больше не мог этого вынести. Император сошел с ума! Срывающимся от боли голосом он закричал:

— Ваше Величество, господин Юнь уже ушел!

— Что ты сказал? — Ци Цзиншэн резко обернулся и рявкнул: — Кто ушел! Кто позволил тебе проклинать Мо-эра?! Он просто спит.

— Ваше Величество, очнитесь, господин Юнь уже покинул этот мир, позвольте же ему обрести покой!

— Как такое может быть? Мой Мо-эр ведь в полном порядке, — пробормотал Ци Цзиншэн, а затем едва заметно улыбнулся. — Смотри, он только что улыбнулся мне.

Словно что-то вспомнив, он отдал приказ Линь Аню:

— Принеси лекарство Мо-эра, он сегодня еще не пил его.

— Ваше Величество... — Линь Ань попытался было уговорить его, но натолкнулся на острый, режущий взгляд.

— Живо!

— Слушаюсь. — Линь Ань с тяжелым сердцем отступил. С нынешним состоянием императора...

эх. Ци Цзиншэн держал принесённое Линь Анем лекарство и, мягко похлопывая Линь Му по щеке, звал:

— Мо-эр, проснись, выпей лекарство. Хватит спать, поспишь потом, хорошо?

Не дождавшись ответа, он почувствовал себя одновременно беспомощным и бесконечно нежным:

— Ах ты, раньше я и не замечал за тобой такой лени. Давай я покормлю тебя, м?

С этими словами он снова прижал юношу к груди, но, коснувшись ледяной кожи, слегка нахмурился:

— Мо-эр, почему ты такой холодный, неужели простудился? Ничего, я укрою тебя получше.

Закутав его в одеяло, Ци Цзиншэн немного расслабил брови.

— Ну же, давай выпьем лекарство, не бойся горечи. Я велел приготовить засахаренные фрукты, сразу после них станет совсем не горько, ладно? Ну.

Он поднёс ложку с лекарством к самым губам, но жидкость целиком стекала по уголку рта. Ци Цзиншэн слегка нахмурился с неудовольствием, однако продолжил ласково уговаривать:

— Будь умницей, выпей лекарство, хорошо?

Ещё одна ложка — и снова всё стекло мимо, испачкав одеяло. Ци Цзиншэн озадаченно нахмурился, словно не понимая, почему лекарство никак не удаётся влить.

— Государдарь, не мучайте себя так, господин Юнь уже ушёл, — Линь Ань, глядя на императора, не смог сдержать слёз.

— Как такое возможно? Как это могло случиться?

Ци Цзиншэн, казалось, всё ещё отказывался верить. Попробовав ещё раз и снова потерпев неудачу, он сделал глоток сам, припал к лишённым тепла губам, разжал слегка онемевшую челюсть и по капле перелил жидкость изо рта в рот.

Линь Му всё это время наблюдал в своём сознании за действиями мужчины, видел его нежелание смириться и почти безумный вид, и от этого ему делалось невероятно больно. Тот не должен был так страдать, не должен! А затем он увидел, как мужчина поит его лекарством. Когда их кончики языков случайно соприкоснулись, Линь Му почувствовал, как из глубин его души поднимается знакомое ощущение, и в голове тут же раздался голос Системы:

— Обнаружено соответствие колебаний душ.

Линь Му моментально помрачнел:

— Сяо Бай, а ну выходи!

— Хозяин, в чём дело? — раздался мягкий детский голосок.

— Разве ты не говорил, что подтвердить личность можно через поцелуй? Я же раньше целовал его, и никакой реакции не было, поэтому я и решил, что он — не он. И что теперь это значит?

— Ой-ёй, разве я говорил, что не требуется обмен телесными жидкостями, например, слюной?
— невинно отозвался Сяо Бай.

— Да ты! Издеваешься! Сяо Бай, ну погоди у меня!

Линь Му испытывал смесь гнева и жгучего желания рассмеяться. Этот человек всё это время был рядом, а он его даже не узнал и при этом довёл своего любимого до такого состояния. Эх! Интересно, как теперь вымаливать у него прощение?

Мысли Линь Му витали Бог знает где, как вдруг он почувствовал странное тепло в районе груди. Придя в себя, он с ужасом осознал, что всё ещё находится в состоянии мнимой смерти! Его мужчина, похоже, наконец-то осознал, что он умер, теперь обнимает его и рыдает, судя по всему, собираясь отправить вслед за ним всех обитателей дворца. Даже будучи императором, так поступать нельзя! Он поспешно позвал:

— Сяо Бай,ними с меня действие ятра.

— Слушаюсь, хозяин!

Линь Му почувствовал, как сознание постепенно возвращается в тело, однако из-за невыведенного до конца яда он всё ещё чувствовал себя совершенно обессиленным. Ему хотелось открыть глаза, но веки казались тяжелыми, как тысяча цзиней, и изо всех сил он смог лишь едва заметно дрогнуть ресницами.

Ци Цзиншэн наконец перестал тешить себя иллюзиями и обманывать себя, будто Мо-эр просто уснул. Неподвижная грудь, постепенно каменеющее и остывающее тело — всё говорило о том, что единственный дорогой ему человек ушёл навсегда, и его больше не вернуть.

Говорят, что мужчины не проливают слёз по пустякам, а он, будучи императором, вообще никогда не плакал. Но сейчас он рыдал, как потерявший дорогу ребёнок. Ци Цзиншэн прижимал своего Мо-эра к груди, словно надеялся согреть это холодное тело, и непрерывно целовал безжизненное лицо, не пропуская ни единого дюйма от лба до подбородка. Целовал и звал по имени, раз за разом, и в каждом окликавшем кровь голосе звучало такое отчаяние, что у любого от боли сжалось бы сердце и невольно брызнули слёзы.

Прильнув к мертвенно-бледным, чуть синеватым губам, он всматривался в лежащего перед ним человека, словно желая запечатлеть в памяти каждую черту его лица, вырезать её на сердце.

Вдруг Ци Цзиншэн заметил, как дрогнули его ресницы. Губы, к которым он прижимался, уже не казались такими леденящими, а от крыльев носа веяло едва уловимым движением воздуха.

Сердце бешено заколотилось. Вскочив с постели, он с затаённой надеждой осторожно приложил палец к шее юноши — слабый, но отчётливый пульс передался в кончик пальца.

Безумная радость захлестнула Ци Цзиншэна: его Мо-эр жив!

— Линь Ань! Скорей, скорей позови лекаря! Мо-эр не умер! Он не умер!

Линь Ань подумал, что у императора снова галлюцинации, но послушаться приказа не смел и с тяжёлым сердцем поплёлся за лекарем.

Кто бы мог подумать, что, осмотрев пациента, императорский лекарь обнаружит, что считавшийся мёртвым человек действительно вернулся к жизни, да к тому же после визита к самому владыке преисподней его здоровье стало даже крепче прежнего. Лекарь мог лишь поражённо качать головой, называя это чудом.

Слушая взволнованный и счастливый голос любимого, Линь Му отчаянно хотел открыть глаза и взглянуть на него. После долгих усилий сквозь ресницы наконец пробился лучик света. Жмурясь от непривычки, он закрыл глаза, а когда открыл их снова, пелена постепенно рассеялась, и перед ним предстал прекрасный, мужественный в этой жизни лик его возлюбленного.

Линь Му тронул губы улыбкой:

— Любимый, давно не виделись.

Вскоре тело Линь Му шло на поправку с немыслимой для обычного человека скоростью, и даже остатки яда полностью вывелись. Весь дворец гудел от вестей о его чудесном воскрешении, помноженном на такие способности и неземную красоту. Слухи о том, что Хуангуйфэй — сошедший с небес бессмертный, распространялись со скоростью пожара. Простые люди верили в это безоговорочно и толпами шли поклоняться новому божеству.

И лишь один человек вокруг этого признанного всеми живого небожителя ходил как на иголках, обращаясь с ним так, будто тот был сделан из хрупкого фарфора — не дай бог уронить или задеть, — и окружая его ежесекундной заботой.

Линь Му потерянно смотрел на протянутое императором угощение и с бесконечной нежностью в голосе произносил:

— Малыш, открой рот, а-а.

У него что, рук нет? К тому же, откуда этот тон, с которым разговаривают с детьми?! Но стоило вспомнить, как сильно после того случая у того расшатались нервы и как целыми днями тот не отходил от него ни на шаг, сердце всё равно таяло от жалости. Ладно уж, раз сам заварил эту кашу, пусть теперь делает что хочет, он терпит.

Ци Цзиншэн с довольным видом наблюдал, как его сокровище послушно принимает из его рук еду, прикидывая про себя, сколько весу за последние дни прибавил юноша, и испытывая колоссальную гордость за проделанную работу. Вспомнив же о том, что не давало ему покоя всё это время, он мягко спросил:

— Малыш, я ведь уже распустил весь гарем. Когда же ты наконец согласишься стать моей Императрицей?

Линь Му сделал вид, что задумчиво ломает комедию, а заметив полный надежды взгляд мужчины, внезапно обвился руками вокруг его шеи, приник к его губам и пробормотал сквозь поцелуй:

— Посмотрим, как ты себя поведёшь... М-м...

Окончание фразы утонуло в соприкоснувшихся губах...

Несколько дней спустя. Церемония вступления в должность.

Ци Цзиншэн смотрел на шествующего к нему в алых одеяниях, расшитых золотыми фениксами, под восхищёнными взглядами сановников человека, и чувствовал полноту счастья, какой не испытывал никогда прежде.

Сделав несколько шагов навстречу, он взял его за руку, и тот повернул голову, одарив его улыбкой. Ци Цзиншэн легко коснулся губами его губ и, сияя от переполнявшего его восторга, повёл избранника на возвышение.

Собравшиеся внизу министры и свита дружно рухнули на колени, громогласно скандируя:

— Да здравствует наш император, десяти тысяч лет ему, десять тысяч раз! Да здравствует императрица, тысячу лет ей, тысячу раз!

Ци Цзиншэн и стоявший рядом с ним человек обменялись понимающими улыбками. Наконец-то они принадлежат только друг другу.

В то же самое время. Холодный дворец.

Деревья облетели, осенний ветер свистел в голых ветвях, и на ледяном полу комнаты безжизненно лежала фигура.

С растрёпанными волосами, истощенная до состояния скелета, облаченная в грубые конопляные одежды неопределенного цвета, женщина с тупым выражением лица смотрела в пустоту, бессвязно бормоча себе под нос:

— Я настоящая императрица, я императрица... Император принадлежит мне, он мой...

В этот момент у входа слышались шаги — вошло несколько евнухов. Старший из них держал в руках кусок верёвки и, глядя на распростёртое на полу создание свысока, издевательски протянул тонким голосом:

— Всё ещё тешишь себя несбыточными мечтами? Сегодня день церемонии возведения в сан императрицы Юня, и Его Величество милостиво пожаловал тебе амнистию. Цайжэнь Ци, больше тебе не придётся страдать, отправляйся в путь.

— Нет... не надо... Я императрица, я императрица!.. — Ци Чэньси в ужасе забилась назад.

Остальные младшие евнухи бросились вперёд и прижали её к полу. Главный евнух накинул петлю ей на шею и стал медленно затягивать.

— Нет... пустите... пустите меня... Я не хочу умирать... Я не хочу... — Ци Чэньси отчаянно пыталась вырваться, но могла лишь беспомощно дрыгать ногами. Воздух в лёгких заканчивался. Перед самой смертью ей вдруг показалось, что она снова вернулась в те дни прошлой жизни, когда была лишена императорской милости. Выходит, всё это время она тешила себя лишь безумными иллюзиями...

Одинокая слеза скатилась по её щеке, сопротивление ослабло, и наконец она испустила последний вздох...

Эпизод

Линь Му и его величество император предавались нежной любви, то и дело заставляя одинокие сердца завидовать, долгие годы. Сначала придворные то и дело подначивали Императора Цзинсюаня завести наложниц, но, столкнувшись с неизменным отказом, со временем смирились и теперь лишь уповали на то, что императрица окажется плодовитым и подарит стране хотя бы одного наследника престола.

В один из таких дней неудовлетворенный чем-то мужчина снова приставал к Линь Му прямо в постели, хотя Линь Му и так изрядно досталось прошлой ночью, и поясница ныла до сих пор, а этот умудрился завестись снова.

Одним ударом ноги столкнув наглого пса на пол, Линь Му принял максимально гордый и холодный вид:

— Даже не думай об этом. Ещё раз вздумаешь распускать свои желания где попало — ночевать будешь в Императорском кабинете.

Епископ императорского ложа виновато опустил голову, изображая вселенскую скорбь:

— Мо-эр, я просто вспомнил, каким ты был тогда, и так испугался, что ты снова можешь меня покинуть. Не сердись, я уйду.

С этими словами он с несчастным видом повернулся, собираясь уходить.

— Ты... — Линь Му мгновенно растерял весь свой грозный настрой. Видя этот жалкий вид, он против воли сжалился. — Ладно, полезай обратно.

И тут же в очередной раз убедился, что сам кузнец своего несчастья.

— Ах ты мерзавец... М-м... пусти... М-м...

— Перестань... уруки убери... ты... ах-а...

— Потихе... не надо... умоляю...

— Зверь... у-у-у... хватит... не хочу больше... у-у... муж мой... пощади... ах...

Добившийся своего крупный серый волк с аппетитом проглотил свою жертву целиком, не оставив даже косточек.